

ассимиляцию". Поэтому современные европейские интеллектуалы призывают всячески сохранять своеобразие и неповторимый колорит пограничных регионов. Они должны не разъединять, а объединять Европу, служить точками соприкосновения и взаимного обогащения народов и культур, быть школами понимания и сосуществования. В этом будет состоять в XXI веке значение всех исторически сложившихся пограничных регионов Европы: Гродненщины, Силезии, Трансильвании, Фландрии, Эльзаса и многих других. Ибо в недалеком будущем социокультурная реальность Европейского сообщества или Союзного государства Беларуси и России превратит большинство населения в латентные группы.

Литература:

1. Hess B., Markson E., Stein P. Sociology. – New York – London, 1982. – P.250-255; Stark K. Sociology. – New York, 1997. – P.40-45.
2. Бабосов Е.М. Методологические аспекты исследования этнонациональной и религиозной идентификации на белорусско-польском пограничье // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе. - Гродно, 2000. – С.33-35.
3. Разенфельд У.Д., Бяспамятных М.Н., Кабяк Г.М., Шчалбаніна Г.М. Даследаванне праблем этнічнай і нацыянальнай свядомасці ў Гродзенскім дзяржаўным універсітэце // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе. - Гродно, 2000. – С.9-15.
4. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.). – Мн., 1998. – С.72, 113.
5. Донских С.В. Теоретические проблемы этносоциальной и конфессиональной динамики (на примере западного региона Беларуси) // Этносоциальные и конфессиональные процессы в трансформирующемся обществе. - Гродно, 2001. - Ч.1 – С.102-106.
6. Население Республики Беларусь. Статистический сборник (Итоги переписи 1999 г.) – Мн., 2000. – С.140-141.

Дорошевич Э.К.

ГЕНЕЗИС ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Культурное наследие, воспринимаемое и оцениваемое человеком и обществом, становится сознанием, а именно сознанием истории – историческим сознанием, которое, в свою очередь, является самосознанием людей и личности. К этому выводу приходит гуманитарная

и гуманистическая традиция [См.: Х.Ф. Гадамер. Истина и метод, М: Мысль, 1989]. Сознание себя как определённого социума группой людей является началом, предпосылкой исторического сознания, т.е. определённой социальной памяти, в которой заложены некоторые нормы социального поведения, воспоминания о прежних временах и их оценки. Первой формой такой памяти является мифология, антропоморфно излагающая мир, стихийные силы, происхождение (рождение) человека (как правило человека данной общины). Повторяемость тем в различных мифологиях – свидетельство наличия общих закономерностей в становлении исторического сознания различных племён.

Мифотворческий период играет особую роль в становлении исторического сознания, так как он занимал в развитии социальной памяти наиболее длительный период, намного превышающий все последующие, и естественно оставил наиболее прочные следы в том слое социальной памяти, который представляет собой средоточие преимущественно эмоционального, обыденно-жизненного, нередко социально-бессознательного. Этот слой постоянно регенерировал в ряду поколений, претерпевал определённые изменения, новые интерпретации и транслировал из поколения в поколения основные представления мифологического сознания. Причём, естественный процесс дополняется в новое и новейшее время осознанным стремлением приобщения к мифологии: в наш просвещённый научно-технический век ностальгия по исходным мифологическим персонажам стала особенно острой. Конечно, нужно различать “естественную” трансляцию мифологической социальной памяти в “искусственные” мифологемы, созданные как более позднее образование.

Можно рассматривать мифологический этап в становлении социально-исторической памяти исторического сознания и соответственно культурного наследия в “фило- и онтогенезе” главным образом в плане генезиса личностного сознания, которое, впрочем, существует лишь постольку, поскольку существует его социальное окружение. Период социализации личности ребёнка необходимо проходит этот этап онтогенеза, при котором через сказки и другие фольклорные формы приобретаются мифологические представления. В природе детского восприятия мира заложена предпосылка к сказочно-мифологическому – это естественный этап развития личности в различных аспектах, в том числе и в познавательном, и в аксиологическом, и в духовно-нравственном. Его отсутствие сказывается отрицательно на духовно-психологических структурах личности. Историческое сознание и самопознание такой личности, как правило, ущербно и деформировано.

В приобщении ребёнка к культурному наследию фольклор играет особую роль: на протяжении тысячелетий он является духовно-нравственным и эмоциональным полем, на котором взращивались детские души многих поколений, а для трудящихся рядов народов эпохи феодализма (например, для белорусских крестьян) это был единственный путь духовного созревания (социализации) личности. Органическая связь мифологии и важнейших фондов фольклора проявлялась как в художественно-сюжетных линиях, так и в обрядах: она формировала образный ряд многих волшебных сказок, баллад, обрядовых песен. Строительным материалом этих образцов, их поступков, сюжетов и т. п. был родной язык данного этноса, как правило, разговорный народный язык, уходящий своими корнями в глубокую древность. С другой стороны, классическая художественная литература черпает слова и образы в глубинах фольклора, транслируя их в современную эпоху, и таким образом здесь осуществляется процесс коммуникации диахрона и синхрона, без них нет культурного наследия как целостного социально-культурного феномена. И тем не менее, сами по себе миф и язык (фольклор) не являются историческим сознанием – они лишь естественный этап развития сознания. И в онтогенезе, и в диахронсе, и в синхронсе они – предисторическое сознание, а оно, в свою очередь, присуще народам на ранних этапах исторического развития (первобытнообщинный уровень, племена и т. п.) и раннему детству человека (речь идёт о понятии истории в более интенсивном, специфическом виде, чем понятие времени, хотя эти понятия взаимодействуют и взаимно обогащаются). Само историческое сознание может быть интерпретировано в нескольких основных аспектах (параметрах), например, как определённые точки в развитии исторической науки (изучение философии, истории и т. д.) и как уровни распространения и функционирования исторических представлений, знаний, убеждений и т. п.

Говоря очень условно, устная традиция выступает, в основном, как фольклор, который не может быть формой систематизированного изложения исторических событий, особенно на ранних этапах, когда он по существу идентифицируется с мифологией. Однако это вовсе не значит, что в фольклоре нет ценных фрагментов, отражающих отдельные исторические события. Если племя (в мифах, обрядах и т. п.) осознаёт себя как нечто отдельное, имеющее свой тотем или божественный пантеон, то это ещё не историческое сознание, которое предполагает более развитую форму социальной организации, культуры и письменности. Чтобы систематически осознавать прошлое, нужна стабилизация и систематизация настоящего – это оказывается условием возможности и необходимости

исторического сознания, которое становится органической частью духовной культуры в целом. Таков схематично генезис исторического сознания как отражения становления государства, консолидации этноса.

Речь до сих пор шла об этническом (предисторическом) сознании, т. е. об осознании этнически близкими племенами своего происхождения, образования, политических институтов. При этом в самой истории этнические группы выходят на уровень собственного исторического сознания с помощью новых взаимоотношений друг с другом. Разделение труда, возникновение классов и государства становится социальной основой исторического сознания, выражаемого в таких основных формах, как устная традиция и письменность. В рамках первой формы возникает отделившаяся от мифологии сфера преданий, генеологии, семейных хроник, во второй – в письменной форме оформляются государственные и дипломатические акты, нередко содержащие хронологию, ссылки на предания и т. п. Хранителем письменного фонда становится определённая группа людей, выполняющая функции летописца, как правило, представители религиозного культа, связывающие естественные исторические события с трансцендентальной сферой и, тем самым, переносящие причины исторических событий с земли на небо.

Следует провести дифференциацию близких, но не тождественных, понятий: историческое познание и историческое сознание. Здесь методологически вполне уместно воспользоваться известными в историческом материализме принципами и подходами к изучению более общих социологических понятий “общественное познание” и “общественное сознание”: первое может быть существенным аспектом второго, направленного на познание мира, и наоборот. И первое, и второе понятия отражают общественное бытие. Понятие “исторического сознания” входит в понятие “общественное сознание”, вместе с тем, оно может быть рассмотрено в нескольких основных аспектах – в философском, социологическом и этическом: 1) как категория, отражающая этапы становления и развития научного познания в целом (ибо наука в целом, по Марксу, может быть интерпретирована как историческая наука) – таков гносеологический аспект понятия “историческое сознание”; 2) как категория социологии, отражающая уровни распространённости социальной роли, исторических представлений, убеждений, идей, настроений на определённых этапах истории и в определённых социальных группах (классах, нациях, этносах) – социологический аспект понятия; 3) как определённая система оценок истории, культурного наследия, аксиологически характеризующая духовно-нравственное сознание

определённых групп и личностей – это культурный аспект. Специфическим видом этого аспекта можно считать педагогическую или воспитательную функцию истории. В действительной жизни все названные аспекты являются сторонами отражения единого всемирно-исторического процесса, но на этом нельзя остановиться, ибо самое действенное методологическое положение даёт лишь верный подход к изучению жизни, но не саму жизнь, не саму историю. Сила марксистской теории в том, что она возникла на вершине науки своего времени и с этой вершины позволила определить пути движения и правильно оценить прошлое. Вместе с тем, лишь постоянные интеллектуальные усилия по творческому развитию этой теории могут обеспечить правильное понимание прошлого, настоящего и будущего.

Совершенно очевидно, что наша современная жизнь требует нового мышления в целом, в том числе и исторического мышления. Проблема уникальности мира, в котором мы живём, всех его национальных культур (особенно их гуманистических элементов), становится по-новому актуальной, что, в свою очередь, ведёт к значительно возросшей заинтересованности всеобщей и национальной историей. Широкие слои общественности во всём мире жаждут исторических знаний, ибо законно видят в прошлом возможность отыскания истины в настоящем. Терпимость к мнениям других, толерантность, гуманистическая направленность, открытость, гласность становятся реальными чертами общественных настроений и ожиданий во всём мире. Но всё это требует гигантского роста культуры масс – материальной и, особенно, духовной, совершенствования структуры и сущности человеческих отношений (межличностных, семейных, межнациональных, межклассовых), принципиального совершенствования и расширения диапазона общения людей, понимания живых и мёртвых, “своих” и “чужих”, их идеалов, мыслей, вкусов, образа жизни, культуры, неуклонного уважения к другим народам и их культурам. И хотя эта программа кажется абстрактной, утопичной, но логика истории и уникальность человечества не дают альтернативы.

Великие гуманисты всегда склонялись к определённой идеализации человечества, видели выход в добре, любви и красоте (“красота спасёт мир” – говорил Ф.И. Достоевский), а так ли уж утопична эта позиция? Не слишком ли мы, философы, увлеклись “объективностью” исторического процесса, не редко забывая об “идеальном” и его уникальной роли в человеческом бытии? Разве идеальное не реально, не объективно, не на нём ли держится человеческое в человеке?

Проблема сознания – это всегда проблема общения сознания людей, раскрытие разных смыслов своего сознания для другого, развитие этих смыслов в диалоге.

Гуманизм, гуманитарная сфера в целом, по своей сущности диалогичны, что является своеобразным аргументом в пользу возможности общения с давно ушедшими физически из жизни авторами и героями литературы, государственными и общественными деятелями. Речь идет не о мистических актах, а о своеобразии духовно-душевных сил человека, его способности воображения, проникновения в “чужое” сознание.

Диалог “сознаний” направлен на личностное самопознание, в котором историческое самоопределение может быть стержневым. Если сознание диалогично, то с кем ведёт диалог историческое сознание, являясь порождением своего времени? Оно ведёт диалог со своими предшественниками: с историческими деятелями, летописцами, историками, и в этом заключается несколько аспектов общения:

1. Сопричастность историческим действиям, выражающаяся, в частности, в личных оценках их поступков и их самих как людей (этический, гуманистический и культурно-аксеологический аспекты),

2. Оценка историков, т.е. по существу, оценка оценок (метаоценка через выражение своего отношения к их трудам, концепциям, собранным фактам и т. п.). И здесь мы сталкиваемся с многослойностью исторического сознания, с несовпадением его уровней, с чрезвычайным многообразием форм на личностном уровне.

ДубянецкіЭ.

СПЕЦЫФІКА МЕНТАЛЬНАСЦІ ПРАДСТАЎНІКОЎ МАЛАДЗЕЖНАЙ СУБКУЛЬТУРЫ (НА ПРЫКЛАДЗЕ СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ РОК-МУЗЫКІ)

Ментальнасць (спосаб мыслення, склад розуму) пэўных супольнасцей заўсёды мае спецыфічныя, адметныя рысы, асаблівасці, якія абумоўлены адначасовым і неадназначным уздзеяннем розных дэтэрмінантаў – сацыяльна-эканамічных, грамадска-палітычных, этнакультурных, полаўзроставых і інш. Пад уплывам гэтых фактараў фармуецца, эвалюцыянуе і спосаб мыслення прадстаўнікоў розных субкультур – сацыяльных, прафесіянальных, этнаканфесійных, дэмаграфічных і інш. Ад